

ПИСЬМО А. Н. СЪРОВА

къ С. А. Гедіонову, начальнику Эрмитажа и Императорскихъ театровъ.

4 Сент. 67.

Многоуважаемый

Степанъ Александровичъ!

Давно желанное мною счастье видѣть въ начальникѣ Императорскихъ театровъ, для которыхъ я работаю—лицо вполне просвѣщенное, даетъ мнѣ смѣлость обратиться къ этому лицу съ исповѣдью моей артистической жизни, которая, какъ это, къ сожалѣнію, еще весьма часто случается, на половину парализована неблагоприятными обстоятельствами.

Обо всемъ, что я здѣсь Вамъ пишу, я имѣлъ намѣреніе говорить во Всеподданнѣйшей просьбѣ Государю. Теперь для меня—Вы прямая и ближайшая дорога.

Вы знаете меня, какъ композитора, знаете мое довольно замѣтное мѣсто въ этомъ смыслѣ. Эта большая извѣстность моя заставляетъ меня тѣмъ болѣе страдать отъ *всего прочаю* въ моей обстановкѣ, *ни мало* не соразмѣрнаго съ такою извѣстностью.

Мнѣ, конечно, дана возможность не умереть съ голода и дѣлать дальнѣйшіе шаги на аренѣ писанія оперъ. Но по устройству моей головы, для моей жажды дѣятельности и желанія быть полезнымъ искусству въ Россіи, этого слишкомъ недостаточно. Для разъясненія моей

мысли, для сообщенія Вамъ необходимыхъ къ сужденію обо мнѣ данныхъ, позвольте мнѣ утрудить вниманіе Ваше краткимъ разсказомъ всего моего поприща (*curriculum vitae*). Я—сынъ весьма недостаточныхъ родителей, но получилъ хорошее воспитаніе. Я кончилъ курсъ въ Имп. училищѣ Правовѣдѣнія въ 1840 г.; выпущенъ IX классомъ, съ медалью, со штатнымъ мѣстомъ и т. д. Товарищи мои статсъ-секретари, сенаторы, министры.

Артистичность по призванію отвлекла меня мало-по-малу отъ служебной карьеры, широко предо мной раскрытой. Естественно, что для того, чтобы превратиться изъ чиновника въ артиста, промѣнять вѣрный хлѣбъ и готовое положеніе въ свѣтѣ на всѣ риски и тревоженія голодной и холодной артистической жизни, я долженъ былъ перенести большую и тяжелую борьбу съ отцомъ, который преслѣдовалъ меня попреками и, наконецъ, явною холодностью и враждою.

Не имѣя ни малѣйшаго *руководителя по искусству* отъ самыхъ юныхъ до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ, я сдѣлался автодидактомъ въ полномъ смыслѣ, и Вы легко себя представите, что для доведенія себя съ *азовъ* науки гармоніи и пр. до созданія 5-актной оперы въ серьезнѣйшемъ стилѣ (Юдифи), съ которою я впервые рѣшился выступить передъ публикой, надо было *немало* трудовъ и *немало* времени.

Находятся люди, которые и теперь желаютъ упрекнуть меня названіемъ „самоучки“, но я горжусь этимъ титуломъ, когда результатъ не свидѣтельствуешь, что я недоучка.

Пристальное изученіе моего искусства по всевозможнымъ партитурамъ, по учебнымъ и ученымъ книгамъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, должно было сдѣлать меня критикомъ по своей части. Я узналъ все замѣчательное, что сдѣлано по искусству и по наукѣ искусства, и по врожденному свойству русскаго ума ко всему относился „критически“ я не довѣрялся слѣпо ученымъ, а *проверялъ* ихъ на дѣлѣ, одного контролировалъ другимъ, отъ крупныхъ дѣятелей до самыхъ мелкихъ. Путь для изученія дѣла—трудный, медленный, но зато вѣрный. Теперь публичная оцѣнка моихъ знаній.

Въ 1851 г. (т. е. тому уже 16 лѣтъ назадъ) я выступилъ музыкальнымъ критикомъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и, несмотря на равнодушіе и некорректность нашей читающей публики, этотъ матеріалъ былъ замѣченъ и весьма читаемъ. Но безпощадностью прав-

ды и рѣзкостью тона пріобрѣлъ (онъ) мнѣ, конечно, бездну недоброжелателей и я не былъ принятъ постояннымъ музыкальнымъ лѣтописцемъ *ни въ одну иззету*.

Въ Россіи по части муз. критики дѣятелей слишкомъ мало. Борьбы для меня почти не было. Чтобы испытать свои силы посерьезнѣе я состязался (на франц. и нѣмецк.) съ европейскими критиками, когда надъ моимъ соотечественникомъ (нрзб.) доставила мнѣ порядочную извѣстность въ музыкальноученой Германіи и пріобрѣла мнѣ дружбу знаменитаго Франца Листа, который еще, *на зная меня лично* и не бывъ еще со мною въ перепискѣ, напечаталъ въ 1858 году замѣчательную статью о моихъ критикахъ.

Въ 59 году я близко сошелся съ Вагнеромъ, о дѣяніяхъ котораго началъ пропаганду уже за три года до того, и *впервые* въ Россіи.

(Изъ моихъ муз.-крит. работъ большая часть относятся къ Вагнеру и Глинкѣ).

Въ этотъ же 59 годъ открылось въ Петербургѣ „Русское Муз. Общество“ съ піанистомъ А. Рубинштейномъ во главѣ всего дѣла. Меня, русскаго и довольно (нрзб.), между горсточкой русскихъ музык. знатоковъ Р. М. Общ. оставило, конечно, въ сторонѣ, „*man ignorirte mich*“.

Въ 62 году основалось въ томъ же общ. Консерваторіи—*das Ignoriren* осталось въ своей силѣ. Тому же игнорированію не помѣшали и успѣхи мои на оперной русской сценѣ. Но если созданія мои. цѣнными такими артистами какъ Листъ и Вагнеръ—безполезны, не примѣнимы и даже вредны въ „разсадникѣ піанистовъ“. то почему же и вообще въ Россіи меня обходятъ въ тысячѣ случаевъ, гдѣ бы *надо было* ко мнѣ обратиться?—

Отчего съ запасомъ знаній, весьма нечастымъ въ Россіи, я *голодаю*, тогда какъ дюжинныя головы процвѣтають сплошь и рядомъ!—

Вы сами—писатель. Вы знаете, что на поэтическую авторскую дѣятельность невозможно посвящать все свое время, съ утра до вечера. У меня даже и во время писанія оперы—остается еще довольно таки свободныхъ часовъ, которые бы могли быть употреблены съ большою пользою для дѣла и съ выгодною для меня самого. И такъ уходятъ цѣлые года, десятки лѣтъ!

Ни кафедры, ни должности—соответственной моей эрудиции—я не могу получить, несмотря на то, что меня очень знают и, кажется, цѣнятъ, какъ музыканта.

Между тѣмъ какъ на затѣю тупого нѣмецкаго піаниста,—въ сущности пустую, потому что она лишена разумнаго направленія и—въ корнѣ враждебна всему русскому, русскіе „любители музыки(!)“ жертвуютъ съ фанатизмомъ десятки тысячъ;—меня съ самымъ чистымъ служеніемъ искусству, не только не поддерживаютъ, а умышленно давятъ и обезкураживаютъ (во, всемъ, кромѣ оперы).

Позднѣйшій примѣръ передъ Вами.

Чтобы проводить въ публику свои мысли объ искусствѣ прямо, безъ околичностей, чтобы дать отпоръ нелѣпостямъ фельетонистовъ, я открываю въ этомъ году спеціально критическую газету „Музыка и Театръ“.

Открываю безъ капитала, безъ сотрудниковъ, съ самыми благими цѣлями. Я полагаю, это порицанія не заслуживаетъ.

Другіе газеты отнеслись къ этому изданію съ примѣрнымъ равнодушіемъ и недоброжелательствомъ. Публика еще и ухомъ не ведетъ! (А мнѣ, чтобы продолжать изданіе, нужно всего: 200 подписчиковъ!) Оклеветать меня, *что, будто я великаю Глинку ругаю* (???) уже успѣли, а вниманіе къ газетѣ, кромѣ „брани“, не выразилось ни въ чемъ.

Представляю Вамъ вышедшіе до сихъ поръ 10 №№. Если Вы признаете пользу такой газеты, я буду издавать ее. Со временемъ она можетъ сдѣлаться прямымъ органомъ самой дирекціи, при Вашихъ благихъ начинаніяхъ. Я *одинъ* во всей русской прессѣ, не отношусь къ Дирекціи фрондерски, не допуская между тѣмъ и лести.

Мой девизъ—знаніе дѣла и справедливость „à tout épreuve“, хотя бы съ уцербомъ для себя.

Безъ Вашей поддержки (моральной и всяческой) я, къ сожалѣнію, скоро долженъ буду прекратить это доброе предпріятіе, къ которому отнеслись всѣ такъ несимпатично. Себѣ въ убытокъ издавать—и мое самоотверженіе уже такъ далеко идти не можетъ. Но и объ журналѣ своемъ я говорю Вамъ, въ видѣ эпизода, только въ примѣръ безвыход-

ности моего положенія въ Россіи, какъ человѣка *ученаго* по музыкальной и театральной части,—также вообще въ примѣръ горькой участи мысли и науки въ моемъ отечествѣ.

Позвольте мнѣ навести Васъ на нѣсколько мыслей.

Если бы кто нибудь изъ такихъ людей, какъ Р. Вагнеръ или Верди, или Гуно сталъ бы *проситься на службу* при Имп. Дирекціи театровъ, не думаю, чтобы этимъ господамъ двери Дирекціи были хлопнуты на носъ, напротивъ, конечно раскрылись бы *à deux battans*“.

Почему же авторъ „Юдиѳи“, „Рогвѣды“ не можетъ себя хоть немножко приравнять къ тѣмъ лицамъ? Или—въ Россіи нужно быть прежде всего не русскимъ?

Подъ Вашимъ начальствомъ много чиновниковъ и много хорошихъ, даже отличныхъ артистовъ-исполнителей, но много ли людей служащихъ искусству и разумѣющихъ это служеніе?

Много ли людей свѣдущихъ, на примѣръ, по режиссерской части и притомъ литературно-образованныхъ, такихъ, однимъ словомъ, которые могли бы Вамъ помогать дѣйствительно?

Почему бы для меня *при Васъ*, не создать такой должности (въ родѣ, на примѣръ, оберъ-режиссера русской оперной труппы) какая была уже создана для пѣвца Сѣтова, когда его перевели въ Москву за потерю голоса?

Въ эту зиму будутъ ставить „Лоэнгина“, возобновятъ „Фрейшица“. О постановкахъ обѣихъ этихъ оперъ съ ученой и практической стороны я могу книги написать. Для „Лоэнгина“ я прожилъ нарочно цѣлое лѣто въ Дрезденѣ, (въ 59 г.) чтобы изучить эту оперу до мелочей, и знаю ее вполнѣ (я былъ на 8 пробахъ и 19 представленіяхъ; опера при мнѣ тамъ въ первый разъ ставилась). Неужели въ Петербургѣ, чужомъ еще для Вагнеровскихъ оперъ, не обратиться на судъ и совѣтъ къ русскому апостолу вагнеризма?

Въ русской постановкѣ „Фрейшица“, кромѣ безобразнѣйшаго перевода, есть капитальныя ошибки, на которыя я и указывалъ устно и печатно, но оставался „гласомъ вопіющаго въ пустынь“.

Такихъ людей, какъ я, по своей спеціальности, въ другихъ земляхъ ищутъ, а въ Россіи (еще не слишкомъ то богатой просвѣщеніемъ) я самъ въ двери толкаюсь, а отъ меня только отмахиваются. Неужели я не могъ бы сдѣлать пользу для Дирекціи и еще съ другой стороны, напримѣръ, при театральномъ училищѣ, преподаваніемъ исторіи эстетики драматическаго и музыкальнаго искусства! Неужели архивы нотъ и книгъ при Дирекціи не требуютъ надзора специалиста?

Во всѣхъ случаяхъ, когда въ видѣ исключенія ко мнѣ заблаго-разсудится обратиться, я приносивъ Дирекціи прямую выгоду. Напримѣръ, огромнѣйшимъ репертуаромъ большихъ Симфоническихъ концертовъ Дирекціи, когда при К. Шубертѣ (въ 1860—63) я составлялъ программы. Это можетъ Вамъ засвидѣтельствовать П. С. Фодоровъ.

Желаніе мое быть полезнымъ „многосторонне“ и самому избавиться отъ ложнаго положенія, которое меня тяготитъ, вотъ что заставляетъ утруждать Васъ такимъ длиннымъ изложеніемъ моихъ іереміадъ и моего адвокатства самаго за себя.

Vous n'allez pas déroger en me protégeant d'une manière efficace.

На Васъ я возлагаю свою послѣднюю надежду; изъ личной бесѣды съ Вами (о „Рогнѣдѣ“ въ Москвѣ) я убѣдился, что прямая логика имѣетъ къ Вамъ прямой доступъ. Это меня поощрило въ настоящей эпистолѣ, быть можетъ, не совсѣмъ ловкой, но честной и правдивой.

Невниманіе и отъ Васъ, заставитъ меня круто повернуть весь планъ моей жизни. Я надолго оставлю Петербургъ. Поселюсь гдѣ нибудь за границей, поищу земли, гдѣ побольше европеизма и поменьше равнодушія къ наукѣ и мысли.

Съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду Вашего отвѣта.

Глубоко преданный Вамъ

А. Сѣровъ.

Адресъ мой,—Его Высокородію Александру Николаевичу Сѣрову. Близъ Надеждинской, въ Ковенскомъ переулкѣ въ д. № 5.